

Как быть историком Центральной Азии сегодня? Наш ответ Изабель Огайон, Жюльену Торезу и Томохико Уяме¹

Аминат Чокобаева

Assistant Professor, факультет истории, философии и религиоведения, Назарбаев Университет,
Адрес: Кабанбай батыра 53, 010000, Астана, Казахстан
E-mail: aminat.chokobaeva@nu.edu.kz

Нари Шелекпаев

Assistant Professor, факультет славистики, Йельский университет
Адрес: Йорк 320, 06511, Нью-Хэйвен, США
E-mail: nariman.shelekpavev@yale.edu

Настоящая статья является ответом на отклик и замечания наших коллег на эссе, в котором мы обсуждаем применимость концепции «Глобального Востока», предлагаемой Мартином Мюллером, в контексте геополитического и экономического неравенства на постсоветском пространстве, в котором республикам Центральной Азии отводится роль ведомых. Наш аргумент состоит в том, что «тактический эссенциализм» академических сообществ Центральной Азии, на который мы обратили внимание как на инструмент ухода от давления внешних акторов, не эквивалентен примордиализму и является оборотной стороной интеллектуальной и политической субъектности местных ученых. На примере коммеморации восстания 1916 года в Кыргызстане мы показываем, что в написание истории часто вовлечены общины «на местах», чья заинтересованность обуславливается прежде всего поколенческой связью с событиями вековой давности. Таким образом, историческая повестка не статична и не диктуется исключительно государством, как предполагают наши собеседники.

Ключевые слова: «Глобальный Восток», Центральная Азия, постсоветское пространство, местные сообщества, эссенциализм, национализм(ы), историография

Мы прочитали тексты Изабель Огайон, Жюльена Тореза и Томохико Уямы, написанные в ответ на нашу статью, с большим интересом. Мы чрезвычайно признательны коллегам за разбор наших аргументов и за готовность вступить в диалог. Цель нашего ответа состоит прежде всего в том, чтобы разъяснить нашу позицию в отношении интерпретации коллегами тех идей, которые мы высказали двумя годами ранее. Мы попытаемся отреагировать на прозвучавшую критику и нащупать новые грани для дискуссии, начатой Мартином Мюллером в 2018 году (Müller, 2018).

С момента публикации нашей статьи в *Социологическом обозрении* прошло чуть более двух лет (Шелекпаев, Чокобаева, 2020). С академической точки зрения это небольшой срок. В регионе, о котором мы писали, однако, за это время произошли события столь масштабные и трагические, что возврат к обсуждению

1. Мы хотели бы поблагодарить Сергея Абашина за идею этого форума.

общности между исследователями из стран Восточной Европы, России и Центральной Азии сейчас кажется предельно несвоевременным. Вместе с тем события, произошедшие в 2022 году, подтверждают ключевой аргумент нашего тезиса двухлетней давности: в настоящее время объединение исследователей в сфере гуманитарных и социальных наук из стран Центральной Азии, Восточной Европы и России невозможно не только из-за эрозии общей идентификации и недостатка понимания того, чем является или чем мог бы стать воображаемый «Глобальный Восток», но еще и в силу непреодолимой центробежности политических процессов на пространстве бывшего СССР и стран Восточной Европы (Шелекпаев, Чокобаева, 2020: 74-77).

Мы также писали об особенностях взаимодействия между учеными в сфере гуманитарных и социальных наук из стран Центральной Азии и России. В начале 2022 года поддержка военного вторжения в Украину (или отсутствие внятной антимилитаристской позиции) со стороны подавляющей части российского академического сообщества скомпрометировала возможность сотрудничества между российскими учеными и интеллектуалами из других стран (Российский союз ректоров, 2022). Хотя речь не идет обо всех российских ученых, последовавший выход России из Болонской системы и прекращение коллаборации с большинством международных научных организаций свидетельствует о том, что Россия более не стремится быть частью глобального мира. Ее руководство будет строить «суверенную науку» в автаркическом государстве, а гуманитарные науки, по-видимому, будут все больше служить опорой государственной пропаганде. В этих условиях статус русского языка как регионального неизбежно снизится, а количество и качество публикаций на нем сократится. Способствовать снижению привлекательности русского языка будет не только автономизация российской науки, но и государственная пропаганда, которая перестала проводить различия между языком как средством коммуникации на пространстве бывшего СССР и языком как инструментом политики, благодаря которому можно воздействовать на русскоговорящих людей в ближнем зарубежье.

Невозможно не упомянуть и то, какую роль сыграла инструментализация истории и изобретение нарратива, которые использует российское руководство для оправдания масштабного вторжения в Украину. Перед его началом Владимир Путин произнес речь, целью которой было убедить аудиторию в том, что государственность Украины является следствием щедрости национальной политики большевиков и что постсоветская Украина является несостоявшимся государством, которое западные страны используют для создания угроз для нынешней России². Так, он утверждал, что «современная Украина целиком и полностью была создана Россией, точнее, большевистской, коммунистической Россией» (Путин, 2022).

---

2. Обращение Президента Российской Федерации, 21 февраля 2022, <http://kremlin.ru/events/president/news/67828>

Говоря о «сконструированности» Украины, Путин вторил тому, о чем неоднократно ранее писали многие исследователи, которых трудно упрекнуть в симпатиях к современной российской политике (Suny, 1998; Martin, 2001; Hirsch, 2005). Тот факт, что большевики способствовали созданию национальных государств, переживших СССР, по периметру бывшей Российской империи, сегодня является распространенной — если не общепринятой — точкой зрения (Smith, 1999; Khalid, 2015; Дюлен, 2019). В отличие от представителей тоталитарной школы, которые считали Сталина «разрушителем наций», многие современные исследователи отмечают, что национальная политика большевиков в 1920-е годы была основана на рациональном желании сохранить слабую власть, придумав «перегородки» для народов и этнических групп, которые до этого времени имели приблизительные внутренние или внешние границы (Conquest, 2000; Hodgkin, 2015). Речь Путина при этом свидетельствует об амальгаме из эссенциалистских представлений российского президента о собственной стране, которые он противопоставляет нарративу о сконструированности Украины и других государств бывшего СССР. В речи Путина Россия всегда — «историческая», а Украина — «целиком и полностью созданная Россией» и «не име[ющая] устойчивой традиции своей подлинной государственности» (Путин, 2022). Тот факт, что российская территория также была сконструирована с помощью колониальной экспансии и военных завоеваний, не упоминается им вовсе. Ленин, по мнению, Путина, «втиснул» в Украину Донбасс, Сталин передал ей «земли, ранее принадлежавшие Польше, Румынии и Венгрии», а Хрущев «подарил» Крым (Путин, 2022). Трагедия, однако, состоит в том, что Путин превратил нарратив, связанный с вытеснением и контролем, в руководство к действию для подконтрольных ему военных и гражданских лиц.

Что касается тактического эссенциализма, о котором мы писали в нашем тексте двухлетней давности. Мы сознательно не дали определения этому явлению, сосредоточившись на описании практик, которые его характеризуют, а также на артикуляции его различий по отношению к концепту «стратегического эссенциализма», предложенного Мартином Мюллером. Ключевыми характеристиками тактического эссенциализма является создание нарративов, которые ставят своей целью вытеснить из анализа и оценок прошлого всего того, что противоречит официальному дискурсу в настоящий момент времени. Проявлением тактического эссенциализма также является попытка контролировать производство знания при помощи внешней и внутренней политики, цензуры и финансовых инструментов.

В своем тексте Изабель Огайон и Жюльен Торез пишут, что мы пытаемся «популяризовать» наш аргумент о тактическом эссенциализме и что этот аргумент «может способствовать приданию легитимности в научных и политических дебатах тем взглядам, которые <...> представляются [Огайон и Торезу] проблематичными и даже опасными» (Огайон, Торез, 2023: 54).

Во-первых, необходимо уточнить, что мы не являемся приверженцами эссенциализма и никого к этому не призываем. Вдумчивое чтение нашего текста покажет, что наше отношение к любому виду эссенциализма — стратегическому,

к которому призывает Мюллер, или тактическому, описанному нами — было и остается весьма скептическим. Задачей нашего текста было не популяризовать «тактический эссенциализм», как утверждают Огайон и Торез, но описать это явление и проанализировать стоящие за ним дискурсы и практики. Именно поэтому мы постулировали, что наиболее неотложной задачей для историков постсоветского пространства является не иллюзорное «объединение под единым знаменем», но как минимум недопущение того, чтобы это знамя превратилось в попури из политических манифестов.

Во-вторых, Огайон и Торез справедливо отмечают, что понятие «стратегический эссенциализм», позаимствованное Мюллером у Гаятри Спивак, является категорией политической. При этом подразумевается, что политическое и научное существуют в отдельных, не соприкасающихся друг с другом отсеках. В отличие от наших коллег, мы не видим возможности отделить историю от политики. Значительная часть нашего текста была попыткой показать их переплетение и взаимосвязь.

Что касается примордиализма и усилий применить «биологический подход к выстраиванию коллективных идентичностей», о которых сетуют Огайон и Торез и который якобы свойственен историческим исследованиям в Казахстане на современном этапе, нам хотелось бы отметить три вещи. Во-первых, мы не считаем, что данный подход является распространенным. Подавляющее большинство ученых, работающих в университетах и научных институтах в Казахстане, занимаются исследованиями, которые имеют мало или совсем ничего общего с физической антропологией. Во-вторых, даже если подобные подходы и имеют место, они не существуют в вакууме. На них есть политический запрос. На фоне речей Путина об искусственно созданных «союзных республиках», военных действий в Украине, а также регулярных заявлений российских политиков и общественных деятелей о территориальных претензиях к Казахстану — сведение воедино права на территорию и национальной идентичности является не только и не столько отходом от «постмодернистских и постколониальных подходов», о которых пишут Огайон и Торез, но прежде всего следствием геополитики (Огайон, Торез, 2023: 55). В этой связи нам кажется наиболее продуктивным документировать и анализировать происходящее, а не брать на себя нормативную роль измерителей допустимого или недопустимого в научной практике или политическом дискурсе. В-третьих, является ли интерес к генеалогии проявлением примордиализма?

Возьмем *шежире*, о которых пишут наши коллеги. С социоантропологической точки зрения шежире для казахов это не просто «родословные» или список с именами предков. Это инструмент сохранения коллективной памяти, поддержки общественных институтов, регулирования брачных и наследственных отношений и т. д. В советское время у казахов не было возможности исследовать свои шежире и тем более обсуждать их в публичном пространстве. Сейчас шежире — это способ вернуться к комплексному изучению семейной и родовой истории и пример деколонизации бытия «снизу» (в противовес академической истории, которая ос-

нована на архивных источниках, недоступных для большинства обычных людей). Для немногочисленных коллег, которые исследуют шежиры как научный объект, это возможность проводить междисциплинарные исследования на стыке истории, антропологии и генетики, результаты которых публикуются в признанных рецензируемых журналах, таких как *Genome Research* (Sabitov et al., 2015).

Нам представляется интересным тот факт, что, критикуя шежиры, Огайон и Торез упускают из виду огромную популярность генеалогии и генеалогических сервисов в Европе в настоящее время. От сайтов, где любой желающий может построить генеалогическое древо своей семьи, до многочисленных лабораторий, определяющих по ДНК «историю рода», изучение своих корней — феномен, модный далеко не только в Казахстане³. Можно ли в таком случае говорить о процветающем эссенциализме европейских обществ? Мы также хотели бы задать нашим коллегам вопрос, почему определенные практики в странах Центральной Азии видятся им в совершенно другом свете, чем схожие и даже аналогичные практики в их собственном регионе?

Вопросы, поднимаемые Томохико Уямой, также касаются использования нами понятия эссенциализма. В частности, Уяма задается вопросом, не является ли публикация исследований на местных языках в республиках Центральной Азии «просто эссенциализмом, а не “тактическим” вследствие “поощрения и даже давления” на ученых» (Уяма, 2023: 61). Развивая свою мысль о роли эссенциализма в современной исторической науке в странах Центральной Азии и России, Уяма приходит к выводу, что эссенциализм часто используется историками этих стран для «отстаивания правоты своего народа». Мы не отрицаем инструментализацию истории на постсоветском пространстве. Тем не менее нам хотелось бы скорректировать широко распространенное убеждение, что проведение исторических исследований в республиках Центральной Азии сводится к удовлетворению государственного заказа. Кроме того, мы не считаем, что политический характер исторических исследований непременно предполагает деление на «правых» и «неправых» и «своих» и «чужих».

Стоит ли считать предпочтение публиковаться на государственных языках проявлением исключительно эссенциализма, как пишет Уяма? С одной стороны, мы согласны с его утверждением, что в странах Центральной Азии академические работы по истории государств и народов региона являются частью национального строительства в постсоветском контексте. Вполне естественно, что подобные публикации могут оказаться политическим заказом или даже результатом давления на профессиональных историков. С другой стороны, нам представляется проблематичным мнение о том, что при прочих равных большинство ученых региона предпочитают публиковаться на русском языке. Вне сомнения, те ученые из стран Центральной Азии, которые получили образование до распада СССР и, вероятно, в 1990-е годы, владеют русским языком в достаточной степени и, как следствие, могут публиковаться в русскоязычных и российских журналах. Но все

---

3. См. например: www.genesreunited.co.uk

это не отменяет того факта, что число публикаций на языках стран Центральной Азии растет. Более того, несмотря на повсеместное владение русским языком, немало центральноазиатских ученых говорят и предпочитают писать на родных языках. Понятие местных и государственных языков в этом случае не отражает эмоциональной нагрузки, вкладываемой в интеллектуальное и культурное (вос) производство знания. Так, редактор и авторы сборника Үркүн — 100: Кылымдар унуткус кыргын: Макалалар, блогдор, маектер, эскерүүлөр⁴ — прежде всего кыргызоязычные исследователи. Редактор сборника, Тынчтыкбек Чоротегин, известен на родине не только как историк, но и как писатель, публицист и переводчик с кыргызского языка. Резюмируя, мы не беремся опровергать мнение, что использование государственного языка диктуется верой в то, что язык является основой государственности. Это действительно так, но нам представляется, что публикации на государственных языках, это не только реакция на условный госзаказ (как в материальном, так и в символическом смысле), но еще и попытка ответить на запрос аудитории «на местах».

Существует вопрос содержания, которое может коррелировать с языком публикаций. Этот вопрос особенно актуален для исследований, касающихся наиболее трагических моментов в современной истории региона, будь то восстание 1916 года, голод в Казахстане или сталинские репрессии конца 1930-х годов. На это есть несколько причин. Во-первых, эти события затронули местное население в большей степени, чем пришлое европейское население. Показателен в этом случае факт, озвученный Сарой Кэмерон в ее книге, посвященной голоду 1930-х годов в Казахстане (Cameron, 2018). Кэмерон пишет, что у заключенных ГУЛАГа было больше шансов выжить, чем у кочевников-казахов (Cameron, 2018: 119-120). Память о голоде среди европейского населения Казахской ССР не сохранилась по той простой причине, что голод в этой группе населения никогда не достигал тех катастрофических масштабов, каких он достиг в казахских аулах. В Кыргызстане воспоминания о восстании 1916 года среди переселенцев и их потомков собирались в советское время и после распада СССР, но опять-таки, их число на русском языке относительно мало в сравнении со свидетельствами на кыргызском и казахском в силу того, что количество жертв среди коренного населения многократно превышало число жертв среди колонистов.

Такой этнодемографический перекокс объясняет и то, что память об этих событиях сохранилась и передавалась прежде всего на казахском и кыргызском языках, в том числе в советское время. В этом легко убедиться, посетив Академию наук Кыргызской Республики, где хранятся архивные записи воспоминаний о восстании 1916 года, а также песен, посвященных восстанию, собранных в 1920-1950-е годы. Часть этих воспоминаний была переведена на русский язык, но так и не была опубликована по политическим причинам (Рукописный фонд НАН КР, инвентарный номер 1491.0). Кроме того, перевод и публикация воспоминаний

4. Столетие Великого Исхода кыргызского народа, 1 мая 2016, <https://rus.azattyq.org/a/kyrgyzstan-urkun-1916/27709420.html>

наний и новых исследований требуют финансовых ресурсов, отсутствие которых, как мы уже отмечали, сильно ограничивает возможности ученых в центрально-азиатских республиках. А учитывая отсутствие интереса со стороны русскоязычной аудитории, публикация таких исследований на русском языке представляется во многих случаях нецелесообразной.

Томохико Уяма отмечает, что эссенциализм в исторической науке часто ведет к поиску виноватых. Действительно, страны, недавно обретшие независимость, в том числе республики Центральной Азии, порой используют эксклюзивные и телеологические нарративы для достижения политических целей. Но нужно понимать, что эссенциализм не является имманентным атрибутом тех или иных национально-ориентированных версий истории (если только речь не идет о тотальном контроле государства над историками). Скорее, в период своего развития историографии склонны проходить через те или иные формы эссенциализма или детерминизма — и пересматривать их по мере эволюции подходов, а также накопления источников и точек зрения на те или иные исторические процессы и события. Иными словами, нам кажется, что для того, чтобы стать по-настоящему массовым явлением среди историков, подходам, проблематизирующим национальную рамку, по-видимому, должен предшествовать период, когда эта рамка обретет контуры, которые предстоит размывать будущим поколениям историков. Мы писали об этом в 2020 году, и надеемся, что данная мысль сейчас сформулирована понятнее (Шелекпаев, Чокобаева, 2020: 88-89). Мы также пытались показать, что естественный процесс развития историографии внутри Центральной Азии в данный момент ограничен из-за давления академических и политических метрополий, а также из-за желания властей не допустить повода для межэтнических трений в многонациональных республиках (Шелекпаев, Чокобаева, 2020: 81-87). Разумеется, можно относиться к происходящему по-разному. Но наша задача не разрубать гордиев узел, а терпеливо его развязывать, пытаясь отделить причины от следствий.

Что касается исторических исследований, не являющихся частью официального нарратива, то их общая тональность часто направлена на вытеснение советского прошлого с содержательной точки зрения, о чем мы также писали в 2020 году. Это вытеснение проявляется в интересе — иногда перетекающем в мифотворчество — к досоветскому периоду. Но имеет место и постепенная эволюция практик работы с прошлым и с коллективной памятью. Исходя из наших наблюдений, носители памяти «снизу» — в большинстве своем гражданские активисты — не заинтересованы в установлении правоты «своей» стороны, что является, по мнению Уямы, проявлением эссенциализма. Так, цель неофициальной коммеморации восстания 1916 года состоит в том, чтобы почтить память трагически погибших предков. Достаточно вспомнить памятные шествия, проводившиеся в Кыргызстане с начала 1990-х годов для поминовения восставших. Несмотря на участие в мероприятии политиков и общественных фигур, на данный момент они продолжают только благодаря усилиям гражданских активистов. Так, в 2022 году шествие было организовано исследовательской платформой «Эсимде». Уча-

стие в шествиях и последующее захоронение человеческих останков, найденных во время раскопок в местах массовой гибели людей, остается для участников прежде всего данью почтения предкам, а не политическим жестом⁵.

В том же ключе стоит рассматривать и установку небольших памятников — часто просто надгробных камней и плит — жертвам восстания силами сельских общин. Не будучи официальными, эти памятники не являются частью государственного заказа, а их постройка обычно финансируется из пожертвований жителей близлежащих сел⁶. Порой об этих памятниках знают только в пределах той местности, где они были воздвигнуты. Политический характер подобных коммеморативных практик и их участие в конструировании национальной идентичности очевиден, но это пример конструирования «снизу», осуществляемого без вмешательства государства. Еще одним таким примером является кинетическая скульптура — мемориал памяти жертв восстания 1916 года. Создание мемориала было частной инициативой и включало в себя совместную работу активисток и местных сообществ. Для автора мемориала, художницы и искусствоведа Алтын Капаловой, мемориал представляет попытку «деколонизации исторического нарратива событий 1916 года»⁷. Таким образом, коллективная память о восстании 1916 года не вписывается в его официальное определение как «национально-освободительного». В отличие от официальной историографии восстания — наследуемой с советских времен — которая чувствует восстание как борьбу за независимость, «народная» память трактует его как трагедию, которая не должна повториться.

Резюмируя, все проблемы, о которых мы писали два года назад — отсутствие независимости исследований, академическая конъюнктура, проблема языка для публикаций и интеграции в мировую науку, — были и остаются частью академического ландшафта в странах Центральной Азии. Все эти факторы отчасти и способствуют тому, что написание истории региона оказывается несвободным от тех или иных форм эссенциализма. Однако в отличие от наших коллег, для нас эти формы являются не вещью в себе, не источником сравнительной или нормативной оценки и не эпистемологической первопричиной, но *следствием* всех тех проблем, о которых мы писали ранее. При этом мы понимаем, разумеется, что историографические практики и политические вызовы могут восприниматься учеными по-разному в разных точках времени и пространства. Нам всем — в одинаковой степени — нужно стремиться к критике собственных представлений о *постоянно меняющемся* объекте нашего изучения.

Мы еще раз благодарим наших коллег за продуктивный диалог.

---

5. Столетие Великого Исхода кыргызского народа, 1 мая 2016, <https://rus.azattyq.org/a/kyrgyzstan-urkun-1916/27709420.html>

6. Отчет о поездке по местам памяти событий 1916 года в Иссык-Кульской области, 19 ноября 2020, <https://daniyarov.kg/2020/11/19/otchet-o-poezdke-po-mestam-pamyati-sobyty/>

7. «Искусство — это инструмент для социальных изменений»: интервью с Алтын Капаловой, 12 ноября 2021, <https://the-steppe.com/lyudi/iskusstvo-eto-instrument-dlya-socialnyh-izmeneniy-intervyu-s-altyn-kapalovoy>

Литература

- Дюлен С. (2019). Уплотнение границ. К истокам советской политики. 1920-1940-е. М.: Новое литературное обозрение.
- Мюллер М. (2020). Разыскивая уплотнение границ. К истокам советской политики // Социологическое обозрение. Т. 19. № 3. С. 19-43.
- Шелекпаев Н., Чокобаева А. (2020). Восток внутри «Востока»? Центральная Азия между «стратегическим эссенциализмом» глобальных символов и тактическим эссенциализмом национальных нарративов // Социологическое обозрение. Т. 19. № 3. С. 70-101.
- Cameron S. (2018). *The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan*. Ithaca: Cornell University Press.
- Conquest R. (2000). *Stalin: Breaker of Nations*. London: Orion Publishing Group.
- Hirsch F. (2005). *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press.
- Hodgkin S. (2015). Romance, Passion Play, Optimistic Tragedy: Soviet National Theater and the Reforging of Farhad // *Cahiers d'Asie centrale*. Vol. 24 (Littérature et société en Asie centrale, ed. Gulnara Aitpaeva). P. 239-266.
- Khalid A. (2015). *Making Uzbekistan: Nation, Revolution, and Empire in the Early USSR*. Ithaca: Cornell University Press.
- Martin T. (2001). *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the USSR, 1923-1939*. Ithaca: Cornell University Press.
- Müller M. (2018). In Search of the Global East: Thinking between North and South // *Geopolitics*. Vol. 25. № 3. P. 734-755.
- Sabitov Zh. et al. (2015). A recent bottleneck of Y chromosome diversity coincides with a global change in culture // *Genome Research*. Vol. 25. P. 459-466. <https://genome.cshlp.org/content/25/4/459>.
- Shelekpayev N., Chokobayeva A. (2020). An East within “the East”? Central Asia between the “Strategic Essentialism” of Global Symbols and a “Tactical Essentialism” of National Narratives // *The Russian Sociological Review* vol. 19, no. 3, pp. 70-101.
- Smith J. (1999). *The Bolsheviks and the National Question, 1917-1923*. London: Macmillan Press Ltd.
- Suny R. (1998). *The Soviet Experiment: Russia, the USSR, and the Successor States*. Oxford: Oxford University Press.

How should we do Central Asian history today? Our response to Isabel Ohayon, Julien Thorez, and Tomohiko Uyama

Aminat Chokobaeva

PhD, Assistant Professor, Department of History, Philosophy and Religious Studies, Nazarbayev University,
Address: Kabanbai batyr 53, 010000, Astana, Kazakhstan
E-mail: aminat.chokobaeva@nu.edu.kz

Nari Shelekpayev

Assistant Professor, Department of Slavic Languages and Literatures, Yale University
 Address: 320 York St, HQ 534, New Haven, CT, 06511
 E-mail: nariman.shelekpayev@yale.edu

This text is a response to Isabelle Ohayon, Julien Thorez, and Tomohiko Uyama, who commented on our essay that was published two years ago in this journal. We argue that “tactical essentialism,” embraced by Central Asian scholarly communities to circumvent external academic and political pressure, is not equivalent to biological primordialism. We also discuss the commemoration of the 1916 uprising in Kyrgyzstan to demonstrate how the production of history in Central Asia involves the participation of local communities. The socio-historical agenda in the region is fluid and is not dictated solely by the state, as our interlocutors suggest.

Keywords: Global East, Central Asia, post-Soviet space, local communities, essentialism, nationalism(s), historiography

References

- Dulen S. (2019) *Uplotnenie granic. K istokam sovetskoj politiki. 1920-1940-e*. [Sealing of borders. To the origins of Soviet politics. 1920s-1940s], Moscow: NLO.
- Cameron S. (2018) *The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan*, Ithaca: Cornell University Press.
- Conquest R. (2000) *Stalin: Breaker of Nations*, London: Orion Publishing Group.
- Hirsch F. (2005) *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*, Ithaca: Cornell University Press.
- Hodgkin S. (2015) Romance, Passion Play, Optimistic Tragedy: Soviet National Theater and the Reforging of Farhad. *Cahiers d'Asie centrale*, vol. 24 (Littérature et société en Asie centrale, ed. Gulnara Aitpaeva), pp. 239-266.
- Khalid A. (2015) *Making Uzbekistan: Nation, Revolution, and Empire in the Early USSR*, Ithaca: Cornell University Press.
- Martin T. (2001) *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the USSR, 1923–1939*, Ithaca: Cornell University Press.
- Müller M. (2018) In Search of the Global East: Thinking between North and South. *Geopolitics*, vol. 25, no 3, pp. 734–755.
- Sabitov Zh. et al (2015) A recent bottleneck of Y chromosome diversity coincides with a global change in culture. *Genome Research*, vol. 25, 459-466, <https://genome.cshlp.org/content/25/4/459>.
- Shelekpayev N., Chokobayeva A. (2020) Vostok vnutri «Vostoka»? Central'naya Aziya mezhdou «strategicheskim esencializmom» global'nyh simbolov i takticheskim esencializmom nacional'nyh narrativov [An East within “the East”? Central Asia between the “Strategic Essentialism” of Global Symbols and a “Tactical Essentialism” of National Narratives]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 3, pp. 70-101.
- Smith J. (1999) *The Bolsheviks and the National Question, 1917-1923*, London: Macmillan Press Ltd.
- Suny R. (1998) *The Soviet Experiment: Russia, the USSR, and the Successor States*, Oxford: Oxford University Press.